

С.А. Кугель

*Кугель Самуил Аронович,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
руководитель социолого-наукovedческого
центра, главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и
техники им. С.И.Вавилова РАН.
Тел. (812) 328-4121, (812) 312-6454.
E-mail: post@history.spb.org
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 5*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУКИ В ЛЕНИНГРАДЕ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1960–1990-е гг.

В статье предпринята попытка критического осмысления истории социологических исследований науки в Ленинграде – Санкт-Петербурге (в 1960–1990 гг.), описываются события, в которых участвовал автор, нередко как руководитель, начиная с 1960-х гг.

1. Этапы развития социологических исследований науки в Ленинграде – Санкт-Петербурге

Несмотря на резкие изменения социально-экономической и политической обстановки в стране в последние десятилетия, науковедческие исследования шли непрерывно. Вместе с тем за относительно короткий период наблюдались периоды подъема и спада исследовательского процесса, т.е. развитие шло циклично. Если в 1960-е гг. наблюдался общий подъем, то в 1980-е гг. отдельные отрасли науковедения развиваются разрозненно, различна и интенсивность их развития. Неравномерно развивается науковедение и в географическом плане: если у истоков стоят науковеды Новосибирска и Ростова, то позже лидируют Москва, Ленинград, Киев. По-разному развиваются и отрасли науки, ориентированные на интеграцию в единой дисциплине – науковедении (социология науки, психология научного творчества и т.д.). Так как накоплен большой опыт социологических исследований науки, то возможна классификация их по различным критериям.

В данной работе мы решили рассмотреть изменения этих исследований по десятилетиям. Как уже отмечалось, начало науковедческих иссле-

дований относится к 1960-м гг. – особенно их второй половине. Это были «оттспель» и связанное с ней победоносное вторжение социологии в СССР. Показательно, что выход книги на русском языке Я. Щепаньского «Элементарные понятия социологии» стал для молодой интеллигенции катализатором познавательного процесса.

Уже в тот период наметились основные направления социолого-научно-исследовательских исследований в Ленинграде:

- методологические проблемы: наука как непосредственная производительная сила, наука и общество, наука как социальный институт;
- структура и динамика научных кадров, новые научные направления;
- этические проблемы науки;
- социологические аспекты эффективности научной деятельности.

Крупномасштабные исследования по социологии науки в Ленинграде развивались в рамках науковедения и были связаны прежде всего с именами таких ученых, как И.А. Майзель, С.А. Кугель, Ю.С. Мелешенко, И.И. Лейман. Каждый из названных ученых пришел в социологию науки своим путем, каждого отличает специфика научных интересов.

И.А. Майзель, занимавшийся философией познания, стал работать в области социологии науки в начале 1960-х гг., а изучение им методологических проблем науковедения можно отнести еще к концу 1950-х гг. И.А. Майзель разрабатывал целостную социологическую концепцию науки, включающую ее внутренние и внешние аспекты, взаимосвязь с материальным производством и другими социальными институтами. И.И. Лейман – философ, методолог науки. В социологии науки его исследования связаны с изучением деятельности ученых академических учреждений в области фундаментальных наук. Основные исследования Ю.С. Мелешенко по философии техники соприкасались с социологическими проблемами техники. Научная деятельность А.С. Кугеля была связана с изучением социальной структуры общества и социологическими проблемами инженерной деятельности, которые традиционно входят в круг проблем социологии техники. Причем, если И.А. Майзель и Ю.С. Мелешенко были ориентированы прежде всего на общетеоретические проблемы, то автор статьи – на крупномасштабные эмпирические исследования.

Эмпирическая социология науки начала развиваться в вузах, в связи с потребностями улучшения учебного процесса. Первый проект касался молодых инженеров, но уже при определении выборки оказалось, что в цехах заводов почти нет молодых инженеров – они сосредоточены в КБ (конструкторы) и НИИ (в том числе академических) на низших ступенях исследовательского процесса.

Устойчивую базу для развития социологических исследований науки дало создание сектора социологии науки Ленинградского отделения ИИЕТ АН СССР (руководитель С.А. Кугель, инициатива Ю.С. Мелешенко). Исследования приобрели по преимуществу социолого-научно-исследовательский характер. Наличие данных о других сферах занятости позволило сравнить статус и роли инженеров в различных сферах, особенности статуса молодого исследователя в академических и отрас-

1.1. Научные достижения 1960-х годов

На первом этапе развития социолого-наукведческого направления науки были определены критерии структуры кадров науки и охарактеризованы основные структурные характеристики: квалификационные, профессиональные, демографические и пр. Это была стратификационная характеристика научного сообщества. Она имела не только собственно социологическое, но и более широкое методологическое значение, в частности, для изучения мобильности кадров и социальной истории науки.

Определились основные методы сбора и обработки первичной социологической информации: опросы, сбор статистических данных, математико-статистическая обработка данных. На начальных этапах строилась районированная классическая выборка, затем, в зависимости от специфики задач исследования, характер выборки менялся. Например, учитывался интерес к новым научным направлениям, в выборке появилось деление на новые и традиционные направления. Индикаторы классификации мы ограничивали лишь учеными степенями и званиями. Это позволяло охватить большие совокупности ученых, но не давало глубоких знаний о квалификации. С самого начала при обработке первичной социологической информации использовались математико-статистические методы, но в основном они ограничивались корреляционным анализом.

Уже в эти годы начал складываться соответствующий стиль работы – масштабные опросы и отчеты в отдельных институтах. Следует отметить, что уже в 1960-х гг. учитывались и сравнительно различные отрасли наук, а иногда и более узкие направления. Однако отдельные лаборатории углубленно не изучались, что характерно, например, для выдающегося французского социолога Т. Шинна и немецкой исследовательницы Кнорр-Цетины.

Основным недостатком начального этапа развития этого направления науки было то, что исследования ориентировались лишь на отдельные усовершенствования, а не на коренные изменения системы. Кроме того, накопление эмпирического материала опережало его теоретическое осмысление и публикацию, ограниченно использовались математические методы. Теоретико-методологическое и эмпирическое направления скорее тесно соседствовали, чем органически переплетались.

1.2. Дальнейшее развитие исследований в 1970-е годы

В это время в развитии социологии науки в Ленинграде выделяется три качественно различных периода. Первый этап – акме: публикуются монографии на материале, накопленном еще в 1960-х гг., проводятся крупномасштабные наукведческие исследования, происходит интеграция наукведения с химией, активизируется работа с коллегами из стран СЭВ, советско-американское сотрудничество по проблемам научной политики. Второй этап – удар по социологии науки с трех направлений (начало

перенос центра исследований в ЛФЭИ, фактическая переориентация на научно-педагогические кадры (как субъекта и предмета исследования).

Первый этап (начало 1970-х гг.) Социологи науки Ленинграда вели активные эмпирические и методологические исследования, установили тесные связи с коллегами из Москвы и стран СЭВ, участвовали в крупном исследовании по советско-американской научной программе.

Особенно значимо было всесоюзное исследование кадрового потенциала химической науки (академические и отраслевые институты, вузы, заводские лаборатории). Оно охватило Москву, Ленинград, Подмоскovie, Урал и т.п. Таких масштабных исследований на Западе мне не приходилось встречать, не считая библиометрических. Собранные материалы позволяют провести панельное исследование, что важно для истории науки и понимания ее современного состояния.

Основные задачи исследования – изучение размещения сети научных учреждений, структуры и мобильности кадров, условий и эффективности научной деятельности. Это исследование имело ряд особенностей. Во-первых, оно проходило при непосредственной организационной поддержке ГКНТ, Министерства химической промышленности и ИИЕТ АН СССР, которым руководил С.Р. Микулинский. Во-вторых, временный групповой коллектив включал не только социологов науки, но и химиков (сектор истории химии ИИЕТ АН СССР, заведующий сектором В.И. Кузнецов). В-третьих, в анкету была включена номенклатура научных специальностей, что позволило сравнивать условия деятельности ученых-химиков различных специальностей, а также уточнить их ответы по шкале профессиональной мобильности. В-четвертых, одной из основных задач исследования было изучение рациональности размещения сети научных учреждений.

Основные методы исследования – выборочные интервью и массовые анкетные опросы. В целом исследование прошло успешно. Главный же его недостаток, как и большинства социологических исследований науки того периода, состоит в том, что в основе его находилась парадигма совершенствования, а не коренной перестройки организации науки. Следовательно, поэтому оно и получило поддержку государственных органов. Другим недостатком было то, что его итоги опубликованы только в ряде статей и отчете, в результате чего научная общественность не получила целостной картины.

Что касается выводов, то они показали, что интенсивный рост численности научных кадров охватил прежде всего отраслевую науку, приведя к снижению уровня потенциала ее кадров. Выявились недостатки в организации труда, препятствия для профессионального роста. Что касается институциональной мобильности кадров, то выяснилось, что мобильность имеет место в основном внутри одной организационной системы. С другой стороны, 2/3 опрошенных изменили специальность или специализацию, что говорит о профессиональной мобильности, охватившей все группы, включая молодых ученых.

Надо отметить, что ленинградские социологи неоднократно обращались к ученым-химикам. Так, академическое исследование 1960-х гг. охватывало академические институты...

высокомолекулярных соединений и др.), на Международном конгрессе по химии полимеров было проведено обследование научных коммуникаций и организации труда. Анализ результатов показал, что, хотя в России имеются выдающиеся ученые-специалисты в области химии полимеров, тем не менее лидируют ученые США.

Одновременно с социологическим исследованием химиков шел сбор статистических данных о структуре научных кадров СССР. Основные источники – общесоюзные статические органы и Управление кадров АН СССР, частично – материалы социологических опросов. Данные касались СССР в целом и отдельных городов, особенно Ленинграда. Сбор и обработка данных строились на разработанных нами методологии и методиках. На этот раз результаты исследования были вскоре опубликованы в двух монографиях: «НТР и изменение структуры научных кадров СССР» под ред. Д.М. Гвишиани, С.Р. Микулинского, С.А. Кугеля (М.: Наука, 1973), «Научные кадры Ленинграда» под ред. С.А. Кугеля, Б.Д. Лебина, Ю.С. Мелешенко (Л.: Наука, 1973). Несмотря на серьезные недостатки, выход этих книг был важнейшим достижением в изучении научных кадров. Не случайно первая из них была переведена и издана в издательстве «Прогресс» на английском и испанском языках и вскоре вышла в ГДР на немецком. Редакторы издания были награждены медалями и почетными дипломами ВДНХ. Известный специалист по советской науке профессор американского университета (Вашингтон) Лубрано назвала эти работы лучшими о научных кадрах СССР.

Последним крупным социологическим исследованием первой половины 1970-х гг. было исследование ученых всех профилей академических учреждений Ленинграда. В основном оно проходило в 1974 г., сбор первичного материала и математико-статистическая обработка завершились в 1975–1976 гг. На этот раз основной темой исследования были профессиональная мобильность и профессиональный рост академических ученых Ленинграда. Методика предусматривала выявление не только субъективных, но и объективных аспектов мобильности – изменение предмета и метода исследования.

В середине 1970-х гг. сложилась противоречивая ситуация, которая поставила под сомнение существование социолого-наукоедческого направления. С одной стороны, вышли две книги по научным кадрам, получившие общественное и государственное признание, сектор социологии науки ЛО ИИЕТ АН СССР начал крупномасштабное исследование в ленинградских академических институтах, проводились всесоюзные конференции «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов». Казалось, ничто не предвещало грозы. Но в 1974 г., возникла идея создания крупного института по социально-экономическим проблемам научно-технического прогресса (ИСЭП). Ее автор – профессор Ю.С. Мелешенко – должен был стать директором института. Однако неожиданная смерть Юрия Сергеевича затормозила процесс, но, как выяснилось, не остановила.

13 марта 1975 г. заседание Президиума АН СССР вел Президент – академик М.В. Келдыш. Один из основных вопросов – создание ИСЭП АН

Г.А. Черкасов, профессор В.А. Ядов, директор ЛО Экономико-математического института О.Г. Фаянс, профессор В.С. Соминский и профессор С.А. Кугель. Дело в том, что сектор социологии ЛО ИИЕТ АН СССР, по требованию Ленинградского обкома КПСС и вопреки мнению директора института С.Р. Микулинского, был передан во вновь созданный ИСЭП АН СССР, но вскоре выяснилось, что в штате нового института такого сектора нет. Выступления В.А. Ядова и О.Г. Фаянса прошли спокойно. Но когда выступал автор статьи, сами слова «социология науки» вызвали у Президента Академии наук, мягко говоря, недоумение. Все мое получасовое выступление, содержащее оценку состояния науки в СССР, сопровождалось критическими репликами.

Такое отношение к докладам по социологии и экономике науки можно объяснить разными причинами. Во-первых, большие ученые считают, что управлять наукой нельзя, а если кто-то и может это сделать, то только сами корифеи науки. Во-вторых, М.В. Келдыш и Президиум Академии были против создания ИСЭП из-за включения в него разнородных направлений и тем, в том числе космических. Вместе с тем члены Президиума советовали держать связь с естественниками, и ленинградские социологи науки учитывали этот совет.

Второй этап 1970-х годов. Сектор социологии науки из ЛО ИИЕТ АН СССР переводится в ИСЭП АН СССР. Это самый мрачный период в истории ленинградской социологии. Руководство часто меняет тематику, но тем не менее в основном удается закончить исследование ленинградских академических кадров и книгу по структуре кадров стран СЭВ. В это время изменяется состав Ленинградского обкома и горкома КПСС, а также и их отношение к социологии науки. С середины 1970-х до середины 1980-х гг. работу приходилось вести под непрерывным «огнем». Кому это было выгодно? Зачем было разгонять активно работающий сектор? Можно лишь строить предположения: пренебрежительным было отношение руководства Академии наук к экономике и социологии науки; обком или ЦК КПСС пытались отстранить лично меня от руководства научным направлением, и очень простым способом: если нужно «убрать» человека, сократи подразделение (а нужно было устранить от дел еврея). Но это — лишь предположения.

Третий этап. Центр исследований фактически переместился в ЛФЭИ, куда перешел и я. Исключительно умный и порядочный человек, ректор профессор Ю.С. Лавриков, оказывал нам поддержку. Источником финансирования стали хоздоговорные исследования с промышленностью, особенно ВПК. Основной предмет исследования — научные кадры ВПК, заводы-втузы Ленинграда и ряда других городов.

1.3. Социологические исследования науки в 1980-е г.

В эти годы центром эмпирических социологических исследований являлась кафедра философии ЛФЭИ. Основным источником финансирования стали хоздоговорные работы с ВПК. На основе хоздоговорных работ в структуре ЛФЭИ была создана небольшая лаборатория. Основная

кадры заводов-вузов.

В это время выходят монографии С.А. Кугеля «Профессиональная мобильность в науке» (М., 1983) и сборник «Новые научные направления и общество» (отв. редактор С.А. Кугель; М., 1983).

2. Неформальные социолого-наукovedческие организации

С самого начала развитие науковедения в Ленинграде проходило в двух формах: формальных и неформальных. Трудно сказать, какая из этих форм играла решающую роль. По крайней мере, можно определенно сказать, что без неформальных объединений становление и развитие науковедения в Ленинграде было невозможно. Конечно, сочетание этих форм – общенаучная закономерность. Однако в различных странах и регионах на разных этапах развития науки значение каждой из этих форм неоднозначно. По нашему мнению, в Москве, например, значение формальных организаций было выше, чем в Ленинграде.

В Ленинграде в 1960–1980 гг. основной неформальной организацией социолого-наукovedческих исследований был *общегородской семинар секции социологии науки* Ленинградского отделения Советского национального объединения истории философии естествознания и техники и Советской социологической ассоциации (ЛО СНОИФЕТ в 1960-е гг. это был СНОИЕТ и ССА). Семинар обрел черты творчески работающего устойчивого научного объединения, играющего заметную роль в системе научных коммуникаций ученых не только Ленинграда, но и других городов страны. История этого семинара неразрывно связана со становлением и развитием науковедения в СССР.

Первоначально он объединял относительно узкий круг социологов и философов науки. Однако дальнейшие шаги по изучению науки как целостного социального института показали необходимость расширения состава участников, привлечения не только социологов и философов, но и экономистов, ученых-естественников, организаторов научных учреждений. По мере роста престижа семинара увеличивалось число ученых, желающих принять участие в его работе. Из относительно замкнутого и узкопрофессионального объединения он все больше превращался в неформальное сообщество ученых разных специальностей. Уже в те годы сложились черты науковедческого сообщества Ленинграда, которые стали его неотъемлемыми признаками на долгие годы развития науковедения. Это – актуальность проблематики, отсутствие клановой замкнутости, организационная открытость. В 1960–1970 гг. эти черты привлекли к работе семинара выдающихся ученых (академиком Н.И. Бехтерева, М.М. Шульца, А.М. Уголева, членов-корреспондентов С.Р. Микулинского, М.В. Костенко), видных организаторов высшего образования и промышленности (профессоров Д.М. Ростовцева, Г.А. Кулагина, А.Ф. Тягушева, Ю.А. Муравицкого).

В начале 1970-х гг. изменились масштабы работы семинара – из собрания ленинградских ученых он вырос до региональных и всесоюзных конференций, сложился всесоюзный «незримый колледж». Прошла первая конференция «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов»

(1968), по материалам которой был издан одноименный сборник, ставший традиционным. Он выходит и в настоящее время и стал международным ежегодником (14 выпусков).

Тематика статей сборника была разнообразна. Центральные места занимали материалы о взаимодействии науки и общества, оценка эффективности использования научного потенциала, социальные и психологические аспекты научной деятельности, структура и мобильность научных кадров, соотношение коллективного и индивидуального в научной деятельности и т.п. Эти темы стали магистральными на многие годы, однако, как мы увидим далее, социально-экономические условия и логика развития науки впоследствии, особенно в 1990-х гг., преобладали в тематике семинара.

СНОИФЕТ в конце 1960-х – начале 1970-х гг. начал проводить региональные конференции по философии и истории науки и издавать периодический сборник «Наука и техника», который частично повторял тематику сборника «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», вместе с тем он позволил расширить науковедческий анализ, углубить понимание принципов науковедческого исследования естественных и технических наук, определить перспективные исследовательские задачи. На этих конференциях, несомненно, сказывалось влияние семинара по социологии науки.

Одно из центральных мест в тематике семинара заняли проблемы комплексных социальных исследований. К тому же сам семинар представлял довольно устойчивую форму коммуникации представителей различных дисциплин, работников науки, высшей школы, промышленности, т.е. носил комплексный характер, и потому анализ его деятельности позволил понять те методологические трудности, с которыми сталкиваются при проведении комплексных исследований.

Комплексности была посвящена специальная конференция (1983), на которой выступили видные ученые Ленинграда и Москвы – В.Б. Голофаст, А.А. Игнатъев, М.С. Каган, В.Ж. Келлс, П.Б. Шелищ. Само требование комплексного изучения, как отмечали выступавшие, может быть представлено в качестве проявления интегральных тенденций в современной науке. Выход на уровень междисциплинарной творческой кооперации ученых, связанных с разными областями знания, представляет собой новый тип стратегии научного поиска: возникновение новых отраслей знания, «нового» в науке в значительной мере связано с установлением междисциплинарных связей.

Изучение этой комплексной проблемы способствовало концентрации усилий участников семинара для достижения конкретного результата совместной деятельности и завершилось публикацией вышеупомянутой коллективной монографии «Новые научные направления и общество». В состав авторского коллектива монографии вошли не только ведущие участники семинара (О.И. Иванов, С.А. Кугель, И.А. Майзель, К.С. Пигров, П.Б. Шелищ), но и видные представители соответствующих научных направлений, в ряде случаев стоявшие у их истоков, – Ю.Д. Денисюк, Т.И. Заславская, А.А. Рогачев. К работе над монографией были привлечены также Б.В. Бирюков, Г.А. Горс (ГДР), В.А. Гуриков, В.Ж. Келлс.

В.И. Масленников, Е.З. Мирская, Г.А. Несветаилов, В.Н. Рыбчин, Р.В. Рывкина, С.Я. Френкель.

Участие в написании монографии столь широкого круга специалистов позволило рассмотреть не только общие методологические и социологические проблемы возникновения и развития новых научных направлений, но и особенности развития таких направлений современной науки, как кибернетика, голография, полупроводниковая электроника, физика и химия высокомолекулярных соединений, генная инженерия, экономическая социология. Опыт работы над монографией «Новые научные направления и общество» показал, что только тесное сотрудничество представителей конкретных областей знания, историков и социологов науки позволит в перспективе перейти от описания и установления частных связей в рамках отдельных дисциплин, изучающих науку, к комплексному науковедческому анализу закономерностей развития новых научных направлений.

Публикация монографии «Новые научные направления и общество» завершила первый этап исследования проблемы. В ходе состоявшихся в 1984 г. обсуждений книги были выявлены не только ее достоинства и недостатки, но и те конкретные проблемы, дальнейшее исследование которых должно способствовать созданию целостной концепции новых научных направлений.

Одна из кардинальных особенностей семинара – проведение выездных заседаний в научных учреждениях. Состоявшееся выездное заседание семинара, организованное совместно с Институтом геологии и геохронологии докембрия и Институтом химии силикатов им. И.В. Гребенщикова АН СССР, посвященное вопросам оценки и аттестации научных кадров, представляет собой попытку выхода в практику управления наукой. Основные докладчики – М.М. Шульц, Д.В. Рундквист и Ю.Б. Татариннов – раскрыли практику и теорию оценки труда научных работников. М.М. Шульц и Д.В. Рундквист рассказали об аттестации сотрудников руководимых ими институтов, Ю.Б. Татариннов проанализировал методы оценки эффективности труда в сфере фундаментальных исследований. М.М. Шульц особое внимание уделил социально-психологическим аспектам аттестации, констатировал, что методика ее проведения выработывалась эмпирически, исходя из опыта и особенностей деятельности института, состоявшееся же обсуждение позволило определить некоторые общие методологические основания процедуры аттестации научных кадров.

Завершая обзор работы семинара, следует отметить, что методологический семинар секции социологии науки ЛО СНОИФЕТ и ССА был единственным в стране межведомственным междисциплинарным неформальным коллективом, объединявшим в своих рядах представителей конкретных наук, философов и социологов, теоретиков и практиков, преподавателей вузов, организаторов и руководителей производства.

Анализ деятельности семинара был бы неполным без рассмотрения недостатков, которые мешали плодотворной работе. Самый существенный из них – отсутствие отклика со стороны тех организаций, которым семинар предлагает выводы и рекомендации. Это означало слабую связь

с практикой, производством. Это вытекало, во-первых, из способа организации работы семинара – неформальное объединение заинтересованных ученых и производителей не в состоянии было превратить свои предложения в нормативные предписания. Далее, можно предположить, что предприятие оказывалось незаинтересованным в использовании некоторых предложений социологов. Наконец, выводы и рекомендации участников семинара носили зачастую умозрительный, абстрактный характер, не учитывали специфики производства, конкретной науки и т.д.

Обсуждение названного недостатка поднимает иную проблему: каковы основные цели и задачи подобного рода неформального объединения? Ответ на этот вопрос требует осмысления работы семинара как формы организации и развития науки. Здесь следует отметить и незначительное количество молодежи в рядах участников семинара. И еще один недостаток – параллельно шли эмпирические исследования, однако их результаты на семинарах обсуждались лишь частично, не удалось органически соединить эмпирические исследования и теоретические обсуждения результатов на семинарах.

В начале 1990-х гг. появились новые формы организации исследовательского процесса, прежде всего это *Международная школа социологии науки и техники*, регулярная публикация материалов сессии школы. Во-первых, стал постоянным контакт с ведущими зарубежными социологами, во-вторых, проводилось широкое ознакомление общественности с работой школы, в-третьих, – это, пожалуй, самое главное – молодежь стала шире привлекаться к обсуждению социологических и науковедческих проблем.

Краткая история Школы такова. В 1990-х гг. в Ленинграде проходила международная конференция «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», на которой присутствовали многие зарубежные ученые. Это был пик интереса западных социологов к отечественной науке, к нашему городу. Был и профессор Стюарт Блюме, работавший в Амстердамском университете, в отделе динамики науки. Одновременно он являлся руководителем Исследовательского комитета социологии науки Международной социологической ассоциации. Именно он предложил создать в России Международную школу социологии науки и техники и прислал схему учебного плана.

С. Блюме первым пытался получить деньги с Запада. По его замыслу Школа должна была объединить узкую группу молодых ученых России и западных стран, знающих социологию науки и владеющих английским языком (рабочим языком должен был стать английский). Однако Запад отказался финансировать это мероприятие. По ряду причин С. Блюме отошел от работы по организации Школы. И Школа создавалась уже по собственному сценарию петербургскими и московскими социологами, но с участием ученых из Америки, Европы, Японии, Венгрии, Финляндии. Эта традиция сохранилась.

В первой сессии Школы участвовали ученые только двух зарубежных стран. Это П. Тамаш (Венгрия), постоянный профессор Школы, один из членов Оргкомитета, и профессор Н. Торен из Израиля. Тогда все слушатели Школы поместились в Санкт-Петербургском отделении ИИЕТ за

одним столом. Но это было только начало.

Конец 1990-х гг. За это время разработана концепция Школы и ее предметная структура. Концепция Школы заключается в обучении через исследование. Как это осуществляется? Во-первых, работает схема: один преподаватель – одна лекция (в порядке исключения – две). Профессора читают лекции по тем темам, по которым они внесли существенный вклад в мировую науку. Во-вторых, – слушатели участвуют в исследованиях. Если первое уже удастся, то второе удастся лишь частично. Это одна из проблем Школы.

Тематическая структура такова: прежде всего изучается социология науки и техники, ее внутренние и внешние аспекты, а также читаются дополнительные курсы: экономика и психология науки, социология девиантного поведения и т.д. Причем каждая сессия имеет свое тематическое название. Это не просто социология науки. Одна из сессий посвящена, например, теме «Наука в системе социальных институтов в условиях кризиса»; другая – «Самоорганизации науки в условиях социальных перемен: традиции и инновации». Столь разносторонний охват тем способствует стабильному интересу к деятельности Школы: здесь есть постоянные слушатели, приезжающие из Москвы, Красноярска, Тольятти и их других городов. Но это не «вечные» студенты, а люди, которые вырастают в преподавателей Школы. Главное достижение Школы – сложившееся ядро профессоров.

Традиции Школы – фундаментальность и ориентация на практику. Именно поэтому Школу поддерживают РАН, Совет ректоров, вузы города. Они чувствуют связь с реальной жизнью, отмечают высокий теоретический уровень преподавания. Однако Школа не имеет постоянного финансирования, своего помещения и пр. Все держится на энтузиастах, а они есть и в нашем городе, и в Москве, и за рубежом. Трудно перечислить всех. Но с самого начала это – профессор И.А. Майзель, М.Г. Лазар, В.Ж. Келле, доцент В.М. Ломовицкая. Наши молодые помощницы – Н.А. Ащеулова, Н.Д. Макушкина и многие другие. Хочется отметить доктора Э. Кауконена из Финляндии, профессора М. Кайзера из Норвегии.

В развитии отечественной социологии науки и Школы огромную роль сыграли тесные связи с Санкт-Петербургской государственной академией культуры, со специалистами по библиометрическим методам О.М. Зусьманом, Г.Ф. Гордукаловой, В.А. Минкиной и др. Поэтому в проводимых исследованиях классические социологические методы соединены с библиометрическим анализом научной продукции.

Несмотря на все трудности, Школа продолжает не только функционировать, но и развиваться. Это видно по тематике и методике проведения занятий, по ее организационной структуре. Девиз X сессии (1997) – «Наука, технология, общество: социальные аспекты взаимодействия на рубеже веков». В рамках этой сессии наряду с занятиями основной группы были проведены Международный симпозиум «Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты», Российско-финский семинар «Наука и современное общество» и Международный семинар, посвященный парадигмам социологии науки (Р. Мертон, Т. Кун, Б. Латур).

Организаторы – М. Кайзер (Норвегия) и Д.А. Александров. О состоянии гуманитарных наук в России лекцию прочитал генеральный директор РГНФ профессор Е.В. Семенов.

Уже этот перечень проведенных мероприятий показывает расширение тематики Школы, выход за рамки социологии науки, ее стимулирующее и интегрирующее воздействие на другие социологические дисциплины, на политические и экономические структуры.

Так, в Международном семинаре «Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты» приняли участие такие видные политические деятели, как полномочный представитель Президента в Санкт-Петербурге А.С. Цыпляев, депутат Государственной думы А.Г. Голов, банкиры, директора предприятий, видные ученые.

Это позволило рассмотреть комплексную проблему ориентаций и более широко – трансформации Санкт-Петербургской элиты, особенности ее основных кругов: финансово-экономического, политико-административного, научного. В симпозиуме приняли участие зарубежные социологи и политические деятели (Л. Шульце – Германия, Л. Лубрано, Х. Бальзер – США) и др. Такой представительный состав участников позволил обсудить концептуальные подходы к определению критериев выделения элит, широко взглянуть на устремления Санкт-Петербургских элит, понять, что может ждать от них общество, чего они хотят от государства, почему из Санкт-Петербурга вышла влиятельная группа федеральной политической элиты. В.Б. Голофаст показал многообразие социальных ориентаций элит. В.Я. Гельман остановилась на консолидации региональной элиты и развитии местной демократии (на материалах Санкт-Петербурга). Различные аспекты динамики ориентации и процесса трансформации элит были рассмотрены в выступлениях А.Г. Голова, А.А. Вейхера, А.С. Быстровой, А.А. Сарно и др. Проблемы изучения городской элиты по данным контент-анализа и на основе анализа библиографических ресурсов осветили А.В. Дука, О.М. Зусьман. Фундаментальные принципы и механизмы воспроизводства научной элиты осветил в обстоятельном докладе А.С. Кармин.

В данной статье перечислена лишь основная тематика симпозиума в рамках обзора сессии Школы. Следует отметить, что комплексное рассмотрение Санкт-Петербургских элит вызвало большой интерес у слушателей Школы, поэтому тема была продолжена и на втором, осеннем этапе X сессии. Перед семинаром были опубликованы тезисы, а недавно вышел сборник материалов симпозиума. Было бы неплохо, чтобы представители элиты сами финансировали Школу на конкурсной основе, как это делают РГНФ и РФФИ, Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), Совет министров северных стран и одна коммерческая организация (страховая компания «Сфинкс»).

Совет Школы решает «вечные» вопросы: как проводить занятия со студентами вузов Северо-Запада, слушателями и зрелыми учеными, посещающими многие занятия, – совместно или отдельно (опросы показывают, что молодежь не хочет отделяться); где достать средства, хотя бы на оплату проживания иностранных профессоров (даже имея спонсоров, на эту статью расходов получить средства почему-то очень сложно).

Кроме учебной деятельности, Школа осуществляет свои издания. С 1992 г. выпущено 16 работ. Опубликованы не только работы маститых профессоров, но и молодежи. Среди них учебное пособие «Введение в социологию науки» под редакцией С.А. Кутеля и Н.С. Черняковой.

Задачи Школы ясны, но дальнейшее будущее не ясно. Оно зависит от активного подключения новых людей, особенно молодежи, ко всем аспектам деятельности Школы: обучению, преподаванию, организации. Если найдутся такие люди, Школа будет жить.

3. Международные связи

Ученые из СССР принимали во всемирных конгрессах лишь небольшое участие. Однако со странами СЭВ поддерживалось тесное сотрудничество: конференции, взаимопосещения, совместные издания. И здесь признавалось наше лидерство – тематическое и организационное. Вместе с тем страх, «как бы чего не вышло», тормозил совместные исследования по единой программе и методике даже в рамках СЭВ, в частности по квалификационной структуре научных кадров. Это сказывалось и на ограничении совместных с западными учеными исследованиях. Главные научные коммуникации шли по линии «интеллектуальных связей» (литературных, а не научно-организационных). Если в первом аспекте наша социология науки представляла периферию мирового научного пространства, то во втором – ее положение характеризовалось изоляцией.

Показателен такой случай. Я был командирован по линии СЭВ в Берлин на совещание, где обсуждался вопрос о совместном исследовании по проблемам научной квалификации. При этом я получил указание: не отказываться, но и не соглашаться. В результате исследование было проведено в ГДР, Венгрии и ряде других стран, но не в СССР.

Были ли какие-либо серьезные причины для такой позиции? Думаю, что это была скорее перестраховка. Научные интересы отступали здесь на второй план. Перестраховка особенно сказывалась на сотрудничестве с Западом. В 1970-х гг. наметилось сотрудничество с США в области научной политики. Однако «холодная война» затрудняла это сотрудничество. Я был в группе экспертов по научным кадрам. Состав американской делегации был не совсем ясен. По-видимому, там были академические ученые, а также сотрудники Рэнд Корпорейшен и т.п. На первых заседаниях они пытались узнать кое-какие неопубликованные данные о составе научных кадров СССР. Но мы получили указание – никаких неопубликованных в открытой печати данных не давать. Поняв это, американцы переключались на методические вопросы и получали конкретные ответы представителя ЦСУ СССР. По сути, наши начальники не поняли, что эти данные для США были более важны, так как позволяли понять смысл наших расчетов и более уверенно проводить свои перерасчеты нашего научного потенциала. Таковы были «детские игры» в период «холодной войны».

Мое участие в международных исследованиях с переходом в ИСЭП АН СССР еще более осложнилось. Руководство ИСЭП под разными предлогами длительное время не разрешало мне посещать заседания

редколлегии издания о научных кадрах социалистических стран, что задержало на несколько лет его публикацию.

В 1990-х гг. международное сотрудничество расширилось – в основном по линии Международной школы социологии науки и техники. Кроме того, автор статьи участвовал во всемирном исследовании по научным коммуникациям в международном исследовании мобильности научной элиты, руководил секцией на Международной конференции по социальным проблемам науки в Билефельде (Германия); избирался в Совет Исследовательского комитета по социологии науки и технологии международной социологической ассоциации (МСА). В программу Всемирных конгрессов МСА были включены мои доклады и доклады моих коллег. Однако на этот раз не административное вмешательство, а финансовые барьеры сделали невозможным посещение этих конгрессов. Сейчас идет подготовка к Всемирному конгрессу в Тампере в конце июля 2000 г., где участвуют известные социологи науки.

4. Санкт-Петербургская социология науки на рубеже веков

Начало 1990-х гг. характеризовалось огромным интересом мирового сообщества к событиям в СССР, включая научную жизнь. В этот период Ленинградское отделение ИИЕТ АН СССР вновь стало центром науковедения. Второе дыхание обрели Всесоюзные конференции «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов». Конференция 1990 г. собрала широкий круг науковедов не только СССР, но и различных стран Америки, Европы, Азии. По существу, это была крупная международная конференция. Традиционно тематика касалась актуальных вопросов социологии, экономики, психологии науки. Между тем в тематике чувствовалось, что науковедение, как и общество в целом, находятся на распутье.

Наряду с традиционными темами появились новые, перестроечные. Общие и некоторые специфические факторы изменили масштабы и направления социологических исследований науки: от изучения кадров и отдельных предприятий и организаций – к изучению научного потенциала города в целом, от завершения исследований отчетом – к завершению исследований публикациями. Этому способствовала поддержка ленинградских науковедов Министерством науки (Б.Г. Салтыков) и ориентация ленинградского Союза ученых на крупномасштабные исследования научного сообщества города.

Первое крупномасштабное исследование – исследование научного потенциала и социальной защиты ученых, проведенное в 1992 г. Это было комплексное, междисциплинарное исследование. В нем рассматривались социологические, экономические, правовые и другие аспекты деятельности ученых академических и отраслевых научных учреждений, вузов и заводских лабораторий. Исследование было тесно связано с научной политикой и содержало комплекс рекомендаций. Напомним, что то был 1992 г. – один из самых тяжелых для науки, когда произошло резкое сокращение бюджетного финансирования, а система научных фондов еще не получила своего развития. Научное сообщество не успело адаптироваться к новым условиям

Это исследование получило высокую оценку в Министерстве науки. К сожалению, пока его результаты не опубликованы, и поэтому лишь узкий круг ученых и политических деятелей знакомы с ним. Успех первого опыта дал основание Министерству науки дать новое поручение ленинградским социологам науки – изучить социальные проблемы развернувшейся в те годы научной эмиграции.

Если в первом исследовании проблемы научной элиты рассматривались как бы вскользь, то во втором они стояли в центре внимания. Ведь необходимо было ответить на вопрос, какая часть научной элиты эмигрировала (некоторые утверждали, что все крупные ученые уже там, за рубежом). Были разработаны концептуальные основы исследования, показаны принципиальные различия между эмиграцией и маятниковой международной миграцией (что не исключает взаимосвязи между этими видами миграционных потоков). Изучение потоков миграции ученых дало толчок интенсивному анализу проблем интеллектуальной элиты. Подготавливается и выходит коллективная монография «Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга», по материалам которой создается короткометражный видеофильм.

В 1990-х гг. активный интерес к проблеме научных школ в академической науке и вузах проявили социологи и представители естественных наук.

Что происходит в среде петербургских социологов сейчас, в конце века? Старая гвардия сохранила верность своим принципам: фундаментальные исследования, ориентация на российскую реальность, обучение и воспитание молодежи, публикации. И в меру своих (порой иссякающих) сил, она продолжает работать, изыскивая формы, адекватные современности, опираясь на поддержку РГНФ и РФФИ, сотрудничая с московскими социологами. Это прежде всего академические ученые и вузовские педагоги. Но вместе с отраслевой наукой рухнула социологическая служба в отраслевых НИИ и в ВПК.

Правда, появились новые люди, новые структуры. Их ориентир – Запад. Одни из них получают финансы за передачу туда социологической информации (например, в Германию), а другие получают гранты за воспитание молодежи на западных концепциях (семинары). В общем, сплоченного сообщества не стало, каждое направление работает достаточно изолированно. Как мне кажется, объясняется это личными особенностями лидеров этих направлений, но, может быть, и не только субъективными факторами.

Хотелось бы отметить такое новое позитивное явление, как сотрудничество и переход некоторых ученых-естественников на позиции социологии науки.

Созданный за 30 лет Банк данных позволил в середине 1990-х гг. провести трендовое исследование в группе академических институтов Санкт-Петербурга естественнонаучного и гуманитарного профилей. Объектом являлись ученые, работавшие в этих институтах в 1974 г. Были повторены основные вопросы 1974 г., сохранившие актуальность (новые и традиционные направления, коллективное и индивидуальное, мобильность и

ученых и т.п.). В выборке использовался метод основного массива. Объем выборочной совокупности – 277 человек. Уже при определении выборки выявилась устойчивость научных коллективов. Убыль оказалась весьма незначительной. Основные задачи исследования заключались в анализе изменений, связанных с условиями труда, соотношением коллективного и индивидуального в научной деятельности, с профессиональной мобильностью в науке.

Проанализированы лишь общие для двух исследований пункты и признаки. Меньше всего изменились оценки, связанные с характером и содержанием научной деятельности (соответствие научной работы профессиональным интересам, оценка новизны основного научного направления и др.), в наибольшей степени – оценки условий научной работы. Такие факторы, как уровень зарплаты, возможность создания научных подразделений, получившие в целом положительную оценку в 1974 г., перешли в 1990-х гг. в разряд неудовлетворительных. В то же время удовлетворенность перспективой продвижения в должности претерпела обратную метаморфозу.

Ученые в территориальном и организационном плане иммобильны. Что касается профессионального плана – предметно-теоретического и функционально-ролевого – ученые относительно подвижны. Профессиональная мобильность является механизмом формирования новых научных кадров, показателей сдвигов на переднем крае науки. Профессиональная мобильность является неотъемлемым признаком современной научной деятельности. Вместе с тем социологические исследования показали, что характерными являются малый и средний шаг мобильности, т.е. переход ученых в смежные специализации и специальности. К сожалению, как и в 1970-х гг., мы не располагаем полными данными о том, какие науки являются «донорами», какие «ловушками», т.е. каковы направления движения кадров. Однако некоторые данные для выводов есть: так, если в 1960-1970-е гг. наблюдалось движение из гуманитарных наук в технические, то сейчас наблюдаются противоположные тенденции; но для организации научной деятельности этих данных недостаточно, их нужно конкретизировать.

В 1970-х гг. мы считали, что по мере дальнейшего развития науки профессиональная мобильность будет расширяться, но мы не предвидели, что мобильность, определяясь спецификой переходных процессов, приняла патологический характер – активизировались переход научных работников в коммерческие структуры и миграция за границу с изменением специальности.

В нескольких исследованиях рассматривалось соотношение коллективного и индивидуального в научной деятельности (естественные, гуманитарные, технические науки). В исследовании использовались и анкетные методы (самооценка), и библиометрические. Как известно, существуют как концепции методологического индивидуализма, абсолютизирующие и индивидуальное творчество, и коллективную научную деятельность. Наши выводы не соответствуют ни первой, ни второй концепции. В науке существуют индивидуальная и коллективная научная

иная. По библиометрическим данным, у научной элиты широко распространены коллективные публикации. В среднем же доминируют коллективно-индивидуальные, то есть сочетающие элементы той и другой. Эта тенденция имеет устойчивый характер и зависит от специфики отрасли науки и от социально-политических условий. Тем не менее в кризисных условиях ослабилась сплоченность российского научного сообщества, усилился индивидуализм.

В целом в 1990-х гг. характеристика соавторства не претерпела кардинальных изменений. Однако наблюдаются интеграционные тенденции, проявляющиеся, в частности, в расширении соавторства ученых различных специализаций и усилении сотрудничества с учеными из других научных направлений.

В науке сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, происходит расширение возможностей, творческой свободы ученых, с другой – катастрофическое ухудшение условий, обеспечивающих реализацию этих возможностей.

Таким образом, происходящие в науке изменения неоднозначны и требуют устранения негативных тенденций, прежде всего повышения уровня и механизмов финансирования. Исследование подтвердило, что наука в основном держится на старших поколениях. Создание базовых кафедр, элитных школ, конкурсов грантов для молодежи коренным образом не решает проблемы привлечения молодежи в науку. Решение этого вопроса требует времени, хотя и откладывать его уже нельзя.